

Лев Николаевич Толстой

Нечаянно

Толстой Лев Николаевич
Нечаянно

Л.Н.Толстой
НЕЧАЯННО

Он вернулся в шестом часу утра и прошел по привычке в уборную, но, вместо того чтобы раздеваться, сел - упал в кресло, уронив руки на колени, и сидел так неподвижно минут пять, или десять, или час, - он не помнил.

- Семерка червей. - Бита! - И он увидел его ужасную, непоколебимую морду, но все-таки просвечивающую самодовольством.

- Ах, черт! - громко проговорил он.

За дверью зашевелилось. И, в ночном чепце и ночной с прошивкой сорочке, в зеленых бархатных туфлях, вышла его жена, красивая энергическая брюнетка с блестящими глазами.

- Что с тобой? - сказала она просто, но, взглянув на его лицо, вскрикнула то же самое. - Что с тобой? Миша! Что с тобой?

- Со мной то, что я пропал.

- Играл?

- Да.

- Ну и что?

- Что? - с каким-то злорадством повторил он. - То, что я погиб! - и он всхлипнул, удержи-

вая слезы.

- Сколько раз я просила, умоляла.

Ей жалко было его, но жалче было себя - и за то, что будет нужда, и за то, что она не спала всю ночь, мучаясь и дожидаясь его. "Уж пять часов", подумала она, взглянув на часы, лежавшие на столике, - Ах, мучитель. Сколько?

Он взмахнул обеими руками мимо ушей.

- Всё! Не всё, но больше всего: все свое, все казенное. Бейте меня. Делайте со мной, что хотите. Я погиб. - И он закрыл лицо руками. - Ничего больше не знаю!

- Миша! Миша, послушай. Пожалей меня, я ведь тоже человек, я не спала всю ночь. Тебя ждала, мучилась, и вот награда. Скажи по крайней мере - что? сколько?

- Столько, что не могу, не может никто заплатить. Все шестнадцать тысяч. Все конечно. Убежать, но как?

Он взглянул на нее, и, чего никак не ожидал, она привлекала его к себе. "Как она хороша", - подумал он и взял ее за руку. Она оттолкнула его.

- Миша, да говори же толком, как же ты

это мог?

- Надеялся отыграться. - Он достал портсигар и жадно стал курить. - Да, разумеется. Я мерзавец, я не стою тебя. Брось меня. Прости в последний раз, и я уйду, исчезну. Катя. Я не мог, не мог. Я был как во сне, нечаянно. - Он поморщился. - Но что же делать. Все равно погиб. Но ты прости. - Он опять хотел обнять ее, но она сердито отстранилась.

- Ах, эти жалкие мужчины. Храбрятся, пока все хорошо, а как плохо - так отчаяние и никуда не годятся.

Она села на другую сторону туалетного столика.

- Расскажи порядком.

И он рассказал ей. Рассказал, как он вез деньги в банк и встретил Некрасова. Он предложил ему заехать к себе и играть. И они играли, и он проиграл все и теперь решил покончить с собой. Он говорил, что решил покончить с собой, но она видела, что он ничего не решил, а был в отчаянии и готов был на все. Она выслушала его и, когда он кончил:

- Все это глупо, гадко: нечаянно проиграть деньги нельзя. Это какое-то кретинство.

- Ругай, что хочешь делай со мной.

- Да я не ругать хочу, а хочу спасти тебя, как всегда спасала, как ты ни гадок и жалок мне.

- Бей, бей. Недолго уже...

- Так вот, слушай. По-моему, как ни мерзко, безжалостно мучать меня... Я больна - нынче еще принимала... и вдруг этот сюрприз. И эта беспомощность. Ты говоришь, что делать? Делать очень просто что. Сейчас же, - теперь шесть часов, - поезжай к Фриму и расскажи ему.

- Разве Фрим пожалеет? Ему нельзя рассказать.

- Как, однако, ты глуп. Неужели я буду советовать тебе рассказать директору банка, что ты доверенные тебе день d9с ги проиграл в... Расскажи ему, что ты ехал на Николаевский вокзал... Нет. Сейчас поезжай в полицию. Нет, не сейчас, а утром в десять часов. Ты шел по Нечаевскому переулку, на тебя набросились двое. Один с бородой, другой почти мальчик, с браунингом, и отняли деньги. И тотчас же к Фриму. То же самое.

- Да, но ведь... - Он опять закурил папиро-

су. - Ведь они могут узнать от Некраскова.

- Я пойду к Некраскову. И скажу ему. Я сделаю.

Миша начал успокаиваться и в восемь часов утра заснул как мертвый. В десять она разбудила его.

Это происходило рано поутру в верхнем этаже. В нижнем же этаже, в семействе Островских, в шесть часов вечера происходило следующее.

Только что кончили обедать. И молодая мать, княгиня Островская, подозвала лакея, обнесшего уже всех пирожным, апельсинным желе, спросила чистую тарелку и, положив на нее порцию желе, обратилась к своим детям, - их было двое: старший - мальчик семи лет, Вока; девочка - четырех с половиной, Танечка. Оба были очень красивые дети: Вока - серьезный, здоровый, степенный мальчик, с прелестной улыбкой, выставлявшей разрозненные, меняющиеся зубы, и черноглазая, быстрая, энергичная Танечка, болтливая, забавная хохотунья, всегда веселая и со всеми ласковая.

- Дети, кто снесет няне пирожное?

- Я, - проговорил Вока.

- Я, я, я, я, я, я, - прокричала Танечка и уж сорвалась со стула.

- Нет, кто первый сказал. Вока. Бери, - сказал отец, всегда баловавший Танечку и потому всегда бывший рад случаю выказать свою беспристрастность. - А ты, Танечка, уступи брату, - сказал он любимице.

- Воке уступить я всегда рада. Вока, бери, иди. Для Воки мне ничего не жалко.

Обыкновенно дети благодарили за обед. И родители пили кофе и дожидались Воки. Но его что-то долго не было.

- Танечка, сбегай в детскую, посмотри, отчего Вока долго не идет.

Танечка соскочила со стула, зацепила ложку, уронила, подняла, положила на край стола, она опять упала, опять подняла и с хохотом, семеня своими обтянутыми чулками сытыми ножками, полетела в коридор и в детскую, позади которой была нянина комната. Она было пробежала детскую, но вдруг позади себя услышала всхлипывание. Она оглянулась. Вока стоял подле своей кровати и, глядя на игрушечную лошадь, держал в руке тарел-

ку и горько плакал. На тарелке ничего не было.

- Вока, что ты? Вока, а пирожное?

- Я-я-я нечаянно съел дорогой. Я не пойду... никуда... не пойду. Я, Таня... я, право, нечаянно... я все съел... сначала немного, а потом все съел.

- Ну, что же делать?

- Я нечаянно...

Танечка задумалась. Вока заливался, плакал. Вдруг Танечка вся просияла.

- Вока, вот что. Ты не плачь, а походи к няне и скажи ей, что ты нечаянно, и попроси прощенья, а завтра мы ей свое отдадим. Она добрая.

Рыдания Воки прекратились, он вытирал слезы и ладонями и противной стороной ручек.

- А как же я скажу? - проговорил он дрожащим голосом.

- Ну, пойдём вместе.

И они пошли и вернулись счастливые и веселые. И счастливые и веселые были и няня и родители, когда няня, смеясь и умиляясь, рассказала им всю историю.